

Аннотация

Сборник «Повзрослевшие сказки» предназначен для среднего и старшего школьного возраста – период отрочества, когда ребёнок, с одной стороны, ещё хорошо помнит своё детство (период наивного и «сказочного» взгляда на мир, в котором, тем не менее, закладываются основы будущей нравственности и духовности) и, с другой стороны, начинает формировать свой самостоятельный, уже взрослый взгляд на мир. Каждый текст сборника отражает этот переход от сказок к реальности: он состоит, с одной стороны, из сказочного описания, и, с другой стороны, из правдивой (научной или личной) истории. Это позволяет не забыть сказочный мир детства, взять из него всё ценное для души.

Каждый текст представляет собой рассказ-размышление о своём детстве – такая форма близка сочинениям которые начинают писать школьники. Тексты вытекают один из другого, но являются независимыми. Сборник особенно может быть интересен для рефлексирующих детей с тонкой душевной организацией.

Форма текстов сборника нестандартная. И хоть «Повзрослевшие сказки» не копируют крапивинский стиль, я старался чтобы они, по своей сути, были близки произведениям Владислава Петровича. Чтобы сборник, также как и повести Крапивина, помогали подростковой душе освоиться в мире, осознать что такое добро, сострадание, взаимопомощь, нравственность.

Алесь Мищенко

Повзрослевшие сказки

Я тоже когда-то был маленьким, ещё меньше тебя. И потом я, тоже, как и ты, стал почти уже взрослым. Я тогда учился в школе и перестал верить в сказки – вместо них в моей жизни появились правдивые истории и мои собственные мысли. Я начал думать: как поступать, с кем дружить, задумываться кем я хочу стать. Это сложно. Поэтому, если бы я мог, я бы сейчас послал себе самому письмо – туда в прошлое. Чтобы всё это подсказать. Но мир устроен так, что путешествия в прошлое пока невозможны. И тогда я решил написать письмо тебе. Точнее не письмо, а вот эту книгу рассказов. Тут каждый текст – и моё сочинение на тему своего детства, и правдивая история, и сказка. Потому что, как я понял уже повзрослев, реальность тоже сказочная. В ней тоже есть добро и зло. Поэтому сказки никуда не деваются. Они превращаются в правдивые истории.

Сказка об облаках и правдивая история об измерении тяжести

В детстве облака мне казались плывущими по небу островами ваты. Тогда я был уверен что, если забраться на лестнице высоко в небо, то проплывающие над головой облака можно потрогать – они будут мягкие и сухие – как и положено вате. Их можно схватить – ветер будет их нести, лестница наклонится и из облака вырвется клочок – с которым можно будет спуститься вниз – как с небесным трофеем.

А если добраться до облаков, наоборот, сверху - например упасть на них с самолёта – то упадёшь как на огромную перину. Я был уверен, что парашютистов обучают, чтобы, прыгая с самолёта, не попасть на облако. А иначе утонешь в нём, как это и должно быть в огромной супермягкой перине. Утонешь и наверняка запутаешься в своём собственном парашюте. А если летел с большой скоростью, то затормозишься, но, тем не менее, прорвёшь эту перину, вылетев с другой стороны, весь запутанный в парашютных стропах – уже без надежды что парашют раскроется.

Единственно как может повезти такому незадачливому парашютисту - это, если падать с малой высоты, то затормозишься и отпружинишь снова вверх - и так можно будет прыгать с облака на облако – может быть, запрыгнув обратно на самолёт. Ну или попрыгав на облаке, остаться на нём, ожидая спасательную команду на вертолёт.

Вот так я представлял себе облака когда был ещё меньше тебя. А вот, когда в мультфильмах кто-то сидел на облаке – я понимал, что это сказка. Я был уверен что они, хоть и невесомые, но не настолько твёрдые, чтобы сидеть.

* * *

Моя детская теория о невесомых и ватных облаках стала рушиться когда я задался вопросом: а сколько весит облако? Могу ли я, например, его поднять?

С одной стороны чего там понимать - оно и так летает. А с другой – кто ж знает из-за чего оно там летает, под воздействием каких сил. Самолет вон тоже летает, но вес у него будь здоров... Хотя – нет, стоит понаблюдать за самолётом, так сразу понимаешь, что он ревет, несётся и изо всех сил и всё потому что старается не упасть. Более-менее понятно: если моторы затихнут и самолёт остановится, то сразу начнёт падать. А облака – видно что не стараются, плывут по небу свободно и легко. И никогда не падают. Так лететь – свободно и легко – могли только облака. Ну и ещё я сам, в своих снах или в фантазиях о прыжках с облака на облако.

Примерно в это же время мне, на мои расспросы, ответили что облака - это просто пар. Но это тогда мне казалось очевидным враньём: что, я пара что-ли никогда не видел?

* * *

Потом, когда я стал школьником, я стал постепенно терять это детское ощущение, эту веру в невесомые облака-перини. Немного повзрослев, я уже смотрел на облака по-другому, и они мне действительно казались похожими на гигантские клубы пара, заторможенные в своём "клублении". Заторможенные, а то и вовсе застывшие, замороженные высотным холодом.

И тогда я узнал ответ на свой вопрос о том сколько весит облако. И это оказалось немало. А самое интересное – это то, что я, почти как в детстве, когда представлял что из облака можно вырвать клочок – и правда, один раз унёс часть облака с собой. Я тогда был высоко в горах и сделал это случайно, когда зашёл прямо в зацепившееся за вершину горы облако. Кстати,

каждый может это сделать – унести с собой часть облака или часть тумана (ведь туман – это и есть облако, медленно опустившееся на землю). А горный туман – это облако, зацепившееся за гору. Каждый может это сделать, потому что, после прогулки в таком тумане одежда становится влажной. Вот эта вода, которая впиталась в одежду после прогулки в облаке – и есть часть облака, которую мы уносим с собой. И, раз влажная одежда весит тяжелее, чем сухая, то значит, даже эта маленькая часть весит не так уж мало. Что уж говорить обо всём облаке. Я прочитал что учёные подсчитали что даже маленькое облако – такое которое можно закрыть ладонью на вытянутой руке – весит столько же сколько весит слон.

И это только маленькие, белые, похожие на вату, облака. А грозовые тучи, серые от скопившегося в них дождя, и закрывающие всё небо до горизонта – они могут весить, как, минимум, миллион слонов. То есть, быть больше чем в 2 раза тяжелее чем все слоны живущие на земле (которых осталось всего 440 тысяч). И ничего удивительного: дождь, пролившийся из них, может затопить, например, горные долины. Когда идут такие ливни, горные ручейки превращаются в ревущие потоки воды, реки выходят из берегов и затопляют окрестные деревни. Ничего удивительного, что вся эта вода весит как многие миллионы слонов. А ведь, до того как начался дождь, вся эта вода была в туче.

Когда ты видишь дождевую тучу, ты можешь сам посчитать сколько она весит. Для этого нужно послушать прогноз погоды – там скажут сколько в твоём городе ожидается миллиметров осадков. Представим, например, что в твоём городе выпал всего 1 миллиметр осадков (это маленький дождик). Этот 1 миллиметр (то есть, 0.001 метров) нужно умножить на площадь твоего города в метрах – и получится сколько тонн весил дождь. Например, дождь выпавший на Москву (площадь которой 2500 миллионов квадратных метров) весит: 0.001 умножить на 2500 миллионов. Получается два с половиной миллиона тонн. Это и есть вес примерно миллиона слонов. И это только маленький московский дождик. Сильный ливень над Москвой может давать 15 миллиметров осадков, а значит, весить как 15 миллионов слонов.

После этих подсчётов, тучи мне представлялись огромной толпой толкающихся в тесноте серых слонов. Ну а лёгкие белоснежные облака, плывущие по небу неторопливо и величественно, как парад, представлялись мне белыми летающими слонами.

Но не поэтому я, постепенно, перестал представлять как я могу прыгать с облака на облако, в этих сверкающих от солнца небесных островах, то пружиня, то утопая в этих волшебных перинах. И не поэтому мне перестали сниться сны, в которых я летал среди облаков. А просто, постепенно, я стал тяжелее.

* * *

Почему же, с течением времени, всё более и более невероятными мне казались такие лёгкие и свободные полёты в облаках? И всё реже снилось что я летаю? Мне говорили, что это нормально: люди взрослеют и перестают летать во сне. А я думал: почему? Почему же, с возрастом люди становятся тяжелее – не только телом, но и душой?

Я вспомнил как в первый раз почувствовал тяжесть на душе. Мы тогда ехали в пионерский лагерь. Автобус, в котором везли наш, один из самых младших отрядов, ехал последним в колонне. Дети, ещё не знакомые друг с другом, сидели тихо и смотрели в окна – на лес по обеим сторонам дороги. Кроме водителя, с нами ехала воспитательница – строгая как учительница с картинки букваря и двое молодых вожатых – парень и девушка, оба в пионерских галстуках. Из пионерского возраста они, конечно, давно уже выросли, но так, видимо, хотели казаться ближе к детям. Я ехал, задумчиво смотрел в окно, о которое время от времени бил козырёк моей кепки и надеялся что впереди меня ждут, как в пионерских фильмах, весёлые лагерные приключения. Ещё я уже немного скучал по родителям и ещё меня немного укачало. Так что, я был рад, когда воспитательница объявила остановку – чтобы все сходили в туалет.

– Мальчики налево, девочки направо, – объявила она, пересчитав детей на выходе из автобуса. Она уже считала нас на входе, но, судя по всему, у неё было такое хобби. Воспитательница осталась вышагивать у автобуса, а двое вожатых смотрели чтобы мы не зашли далеко в заросли.

И именно там, отойдя от автобуса, в кустах, я заметил раненую птицу – её то-ли сбила машина, то-ли поранил да так и не догнал какой-то хищник. Как я потом выяснил, посмотрев картинки с названиями, это был стриж. Он просто сидел, не кричал, не суетился, а просто беспомощно смотрел по сторонам. Он посмотрел и на меня – странным таким взглядом – мне показалось, со страхом и с надеждой. Я нагнулся и осторожно взял его в руки. Птица попыталась вырваться, делая крыльями неумелые маховые движения – как будто пыталась взлететь. Но взлетать не получалось, и она упала, из моих ладоней снова на землю, неуклюже завалась на бок. Я оглянулся вокруг, в поисках чего-то типа носилок. В автобус уже возвращались дети. И воспитательница стоящая на входе, снова считала их, касаясь каждой головы. Шофер курил в водительское окно и наблюдал за процессом – чтобы знать сколько у него ещё времени.

Я сел на корточки, попытался взять птицу ещё раз. Она снова задвигалась, вынула крыло из моих ладоней – тем движением каким человек вынимает руку из рукава. Потом оттокнулась вторым крылом – ей, наверное, показалось что вот сейчас она сможет снова взлететь – она снова захлопала крыльями по моим рукам, вырвалась и снова неуклюже упала на бок. Хорошо что я не стоял – иначе бы она упала со всей высоты моего, пока небольшого, но для неё, наверное, гигантского, роста. «Надо быть осторожнее» – подумал я.

Автобус просигналил – это значило что всем надо занимать свои места. Я засуетился, снял кепку, попытался осторожно просунуть козырёк под птицу, чтобы она и не заметила как оказалась внутри этого, похожего на гнездо, головного убора. Но она заметила. Стала грести крыльями по земле как будто пыталась плыть стилем «батерфляй». Шофёр просигналил ещё раз и, отбросив на обочину окурок, приготовился завести машину.

– Ну! А ты чего там? Быстрее в автобус! – крикнула мне недовольная воспитательница.

– Тут! Птица! – слабо крикнул я, нервно переминаясь с ноги на ногу.

– Чего?

– Тут! Птица! – повторил я, уже как-то вопросительно.

– Какая птица? С птицами нельзя. Быстрее в автобус! – замахала мне она.

– Тут её сбили, - я сделал шаг навстречу, как бы выходя на переговоры. Но воспитательница была непреклонна. А может, просто меня не расслышала:

– С птицами нельзя! Зооуголка в лагере нет. Автобус уезжает. Быстрее! – и направилась ко мне, не обещая ничего хорошего.

Я посмотрел на стрижа. А он, по-прежнему смотрел на меня – широко открытым, иногда моргающим глазом. Может он щурился от боли, а может хлопал глазами от непонимания того что с ним произошло.

Шофёр, подтверждая своё согласие со словами воспитательницы, просигналил ещё раз и завёл мотор. Приближающаяся воспитательница ускорила шаг.

Я, уже суетливо, попытался зачерпнуть его в кепку. Он выскочил оттуда, на этот раз перевернувшись в воздухе – как спортсмен по прыжкам в воду – и упал уже на спину, впервые негромко зачирикав.

– Да, я иду! Сейчас! – предательски закричал я, решив, хотя бы прикрыть стрижа травой – чтобы ему было теплее ночью. Судорожно, обеими руками я нарвал травы и забросал птицу – как сеном. Стрижа уже было не видно и только сквозь траву на меня по-прежнему смотрел тот же самый глаз – то-ли со страхом, то-ли с надеждой.

– Ты сходил в туалет? Что ты там закапываешь? Ты что, собака чтоб закапывать? – грозно приближалась воспитательница. И я, оторвавшись от взгляда закопанного мной стрижа, виновато направился к ней.

– Там птица, её сбили, – заплакал я, когда воспитательница уже довела меня до автобуса и подтолкнула мою голову в двери – так как полиция держит головы заключённых когда сажает их в машину. Якобы для того чтобы они не набили себе шишек, а на самом деле что бы заключённые привыкали чувствовать твёрдую руку закона у себя на голове.

– Сидел там, закапывал, как пёс, – поделилась она курьёзом с водителем.

Водитель добродушно (а тогда мне казалось, что зло) засмеялся и с интересом посмотрел на меня, уже не могущего остановиться от плача.

Если бы у меня были в этом автобусе друзья – мы вместе, возможно, придумали бы что-то. Подняли бы шум, уговорили бы взрослых... Или, наоборот, вместе спрятали бы птицу среди наших вещей – спрятали и вместе уводили бы внимание строгой воспитательницы от этого чирикающего рюкзака. Какой-то шутник-балагур, который всегда находится в любом пионерском отряде, начал бы тоже чирикать, убеждая что это он производит эти странные звуки. Ну а если бы взрослые всё же настояли бы на проверке содержимого чирикающего багажа, то какой-то ловкий парень, который тоже есть в любом отряде, незаметно поменял бы

рюкзаки. Было бы весело, как в детских фильмах. И запомнилось бы на всю жизнь. Но так бывает, действительно, только в детских фильмах и книгах.

А на самом деле у меня в том автобусе не было друзей – я всех их видел первый раз. И они были совершенно не похожи на те весёлые компании которые показывают в детских фильмах. Все ещё не отошли от прощания с родителями и ехали притихшие – так же как и я, среди незнакомых людей. Кто-то даже подплакивал – ему уже хотелось домой. Поэтому и моё поведение не показалось никому удивительным. Кто-то равнодушно, кто-то с лёгким презрением наблюдал, как, уже взрослый парень, расплакался как девчонка, запросился обратно к мамочке.

Хорошо ещё, что замечание воспитательницы про то что я, как собака, закапываю свой туалет, никто, кроме водителя не понял или не услышал. Воспитательница была достаточно опытная и не создавала в отряде ситуаций, способствующих травле. Лишь только изредка потом, уже в пионерском лагере, когда я отставал, не слишком быстро и весело бежал на утренние линейки (когда весь отряд выстраивался, как солдаты, в шеренгу по росту и громко пересчитывал сам себя: Первый! Второй! Третий! и так далее) или когда я опаздывал на построение перед тем как, тоже весело, строем идти в столовую – изредка в таких случаях она мне кричала: «ну, а ты что там копаешься? Опять закапываешь?»

На вопросы других детей о том что же это она имеет ввиду – я отмалчивался. Друзей в то лето я так и не нашёл и никаких весёлых лагерных приключений так и не случилось. Воспоминание об оставленной на обочине дороги птице так и осталось самым сильным из той лагерной смены. Этот глаз закопанного мной стрижа, смотрящий на меня то ли со страхом то ли с надеждой – так и остался тяжестью на душе.

И уже тяжелее мне стало в своих фантазиях подниматься до облаков. Как же туда подняться, если тот стриж уже никогда не взлетит? Когда лагерный горн трубил отбой, я ворочался, скрипя железной сеткой кровати и, смотря в окно, в вечеряющие небеса, пытался, как прежде, представлять, как я прыгаю по розовым закатным облакам, пружиню и прыгаю высоко вверх – так что становится видно скрывшееся за горизонтом красное солнце. Но вместо этого мне представлялось как где-то там, на дороге, оставленный мной стриж, смотрит в сгущающиеся ночные сумерки, ждёт меня. И потом, когда тут, в лагере, уже стихали ночные разговоры моих соседей по палате, а там лес погружался уже в полную темноту, я представлял как в его взгляде становится всё меньше надежды. И всё больше страха.... Незаметно для себя, я просыпался от утреннего горна – надо было заправлять постель (назначаемый каждый день дежурный следил чтобы подушка на каждой кровати лежала аккуратным треугольником, похожим на наполеоновскую шляпу) и бежать вместе со всеми на улицу – там к длинной стене туалетов были приделаны раковины для умывания и чистки зубов. А потом линейка и построение на завтрак. Размешивая жёлтое пятно масла в манной каше, я снова вспоминал о стриже – как он там, лежит, постепенно угасает от голода, и во взгляде его, наверное, уже нет даже страха – только мутное безразличие.

Потом я перестал переживать. Но тот стриж так и остался тяжестью на моей душе. Остался и по сей день. И ещё, после этого лета, я понял: те кто летал – во сне или в своих фантазиях –

перестают летать во взрослом возрасте именно вот так, по мере того как им на сердце ложится всё больше таких тяжестей. Это и называется взрослением.

После этого случая были и другие. Например, один раз я не заступился за своего друга когда его несправедливо ругал директор (потому что ещё бы – сам директор!). И несмотря на то, что повод был пустяшный, и вскоре мы помирились, но всё же – его быстрый взгляд, которым он на меня глянул в тот момент когда его ругали – так и запомнился, так и остался в моей памяти как свидетельство моего хоть и маленького, но предательства. Или, например, пару раз я мог бы что-то сказать родителям, как-то поддержать в трудную минуту – и эти слова (я теперь, как родитель, это знаю точно) остались бы с ними, и помогали бы им всю жизнь. Но я не нашёл что сказать. Я же не привык поддерживать взрослых – мне тогда казалось, что взрослые сильные и в поддержке не нуждаются. Или, например, в ссорах с сестрой я часто мелочился вместо того чтобы, как старший, уступить, проявить великодушие. Всё это накапливалось, и никуда не девалось, и именно из-за этого и исчезала та детская лёгкость которая позволяла мне летать во сне и прыгать с облака на облако – свободно и легко – так, как плывут по небу и сами облака.

* * *

Возможно когда-то в будущем, учёные придумают и точную математическую формулу для того, чтобы подсчитать эту, не дающую летать, тяжесть на душе. Такую же простую формулу как та, по которой я посчитал вес дождевой тучи над Москвой.

Но, уже сейчас, я знаю как сделать так, чтобы жить без этой тяжести – для этого достаточно стараться смотреть на мир не только со своей точки зрения, но и с точки зрения своих близких: и с точки зрения моих родителей, которым тоже нужна моя поддержка, и с точки зрения моей сестры, и с точки зрения смотревшего на меня с надеждой стрижа.

Если смотреть на мир со всех точек зрения, то в жизни – как в туче – вся тяжесть освободится дождём и на небе появится радуга. Но это уже совсем другая история.

Сказка о радуге и правдивая история о счастье

В детстве я знал, из ирландских сказок и мультфильмов, что там, где радуга упирается в землю, маленькие бородатые лепреконы и гномы хранят горшки с золотом, которое они добывают в таинственных подземных пещерах, полных драгоценных камней.

И, когда, после дождя, радуга проявлялась в ещё мокром тёмном небе – я выходил на балкон и отлично видел, что она упирается в землю где-то рядом с вон тем домом, высотным, далёким, почти на горизонте. Дом был белый с полосками синих балконов, отчего казалось, что он одет в тельняшку. Возле этого дома было видно пятнышко зелени – наверное, небольшой парк. Или, может быть, у них там такой двор, по которому гуляешь, как по маленькому лесу. Но не важно. Так вот, было ясно видно, что радуга упиралась именно в этот парк, и, насколько я мог видеть,

заполняла его весь. Я представлял, как можно после дождя ходить в этом волшебном парке, находясь то в синем, то в зелёном, то в жёлтом, то в красном столбе разноцветного воздуха. И однажды мне даже приснился такой сон – что я оказался в этом удивительном месте, прямо внутри радуги.

Но сколько я ни убеждал родителей доехать до того удивительного места на другом конце города, они лишь отнекивались, убеждая меня, что пока мы будем туда ехать, радуга там уже исчезнет. Я, впрочем, особо и не настаивал. И сам понимал, что радуга, действительно, через некоторое время, исчезает, растворяется в воздухе безо всякого следа.

* * *

Потом, однажды, когда я уже был школьником, а значит достаточно взрослым, чтобы не верить в детские сказки про горшки золота, я увидел радугу из окна машины. Мы тогда ехали за городом. Просёлочная дорога была в лужах от недавнего дождя, и из открытого окна пахло мокрым лесом. А когда сверкающий дождевыми каплями лес расступился, то за дальними полями я увидел радугу. Я уже не убеждал взрослых что надо ехать туда, чтобы найти сказочный горшок золота. К тому времени я понимал так что сказки – это как легенды: то есть, придумываются из какой-то реальной истории: например, действительно, кто-то когда-то где-то нашёл, может быть, золотую монету, и, наверное в тот день была радуга... Ну а потом, каждый пересказывал эту историю, всё больше и больше её приукрашивая – вот дело и дошло до горшка золота у подножья радуги.

Но меня в тот умытый дождём день, поразило другое: мы ехали, мимо проносились придорожные кусты, медленно проходили бескрайние поля по обеим сторонам дороги и даже, пусть и очень медленно, ползла назад линия горизонта – с далёкими лесами, лоскутами полей и кубиками деревень. И только радуга двигалась вместе с нами – как двигаются одновременно со смотрящим Солнце или Луна. Но только Солнце или Луна двигаются с нами по небу – и кажется ничего удивительного: небо отдельно, а земля отдельно. Но радуга – другое дело: её край упирался прямо в землю и перемещался по ней – как будто кто-то, из-за туч поливал землю огромной струёй разноцветной воды – медленно и плавно перемещая разноцветный поток по лесам и полям. А когда дорога поворачивала в сторону радуги – было видно что эта разноцветная струя также плавно удаляется от нас, поливая всё более и более далёкие деревни. Мы будто гнались за радугой на машине. А она убегала. И тогда мне стало понятно: мы никогда не доедем до радуги. Она всё время будет на одном и том же расстоянии от нас.

Поняв это, я тогда разозлился. Даже не на самую убегающую радугу, а на лживые детские сказки. Вот ведь какой хитрый автор: знал, что до поножья радуги не дойти и не доехать – и именно поэтому и рассказал своим доверчивым читателям, что именно там, у поножья радуги, можно найти горшок золота. И тогда, в качестве автора сказки про радугу, мне уже не представлялся тот безобидный хвастливый рассказчик, приукрасивший свою историю нахождения золотой монеты в дождливый день. Вместо него, я представил в качестве автора сказки какого-то хитрого министра финансов (я тогда назвал его «визирь», так как не знал, что визири бывают

только на востоке). Я представил, как он отнял у простого народа деньги, а в ответ на требование отдать долг – пояснил что у подножья радуги они смогут легко найти причитающееся им золото. Ну а что? Вполне возможно что, в древние времена, когда родилась эта легенда, примерно так оно и было.

В любом случае, авторы подобных сказок знали, что до радуги дойти нельзя, поэтому и проверить правдивость их историй никто не сможет. Что радуга будет всё время отодвигаться от всех решивших проверить их рассказы – отодвигаться постепенно, но неумолимо, как отодвигается горизонт.

* * *

Потом я стал совсем взрослым. И только тогда я, наконец, понял, что нет – не так уж и лживы были детские сказки. На самом деле можно дойти до подножья радуги. И можно оказаться прямо в ней, в этом удивительном разноцветном месте. После любого дождя, можно вот так вот прогуляться в волшебном радужном парке, находясь то в синем, то в зелёном, то в красном столбе разноцветного воздуха.

И мой сон – тот, в котором я оказался внутри радуги – оказался, на самом деле, вещим. Что я, на самом деле, был там. И даже больше – что мы все ходили в радуге, в этих огромных сверкающих разноцветных дугах – ходили, но просто этого не замечали. Так уж устроен человеческий глаз: мы замечаем только ту красоту, которая далеко от нас.

Дело в том, что, после дождя, не только лес и поля оказываются усыпанными росой. Весь воздух остаётся наполнен микроскопическими, незаметными глазу, каплями воды. И солнечный свет, попадая на каждую из них, преломляется на 42 градуса и рассыпается в семь разноцветных радужных лучей. Но мы видим далеко не все из них, а только те которые отразились от капель примерно в таком расстоянии от нас какого размера получилась сама радуга. Поэтому, когда мы делаем шаг к радуге, мы уже не видим ту радугу которую видели до этого шага, но зато видим другую, которая ровно на шаг дальше.

И вот, когда солнце освещает умытую дождём землю, сверкают не только мокрые крыши и лужи на асфальте, но и весь воздух превращается в лес радуг. Гигантскими пучками травы они растут из каждого места во все стороны. И мы ходим прямо в этих сверкающих райских зарослях. И, возможно, мы чувствуем этот лес - не поэтому ли после дождя такое счастливое настроение. Чувствуем, но не видим его целиком. Из каждой точки мы видим лишь одну далёкую травинку, дугой изогнувшуюся на таком расстоянии от нас какого размера сама эта травинка-радуга. А чуть точнее – на таком расстоянии, чтобы угол под которым она видна, был ровно 42 градуса. И в том, радужном для нас месте, стоит какой-то человек, но из своей точки зрения он не видит того, что вижу я. Вместо этого, он видит другую радугу, которая также далеко от него как и моя радуга – от меня. А я тоже стою прямо в радужном столбе, видимом для другого человека, где-то позади меня. И если бы каждый из нас смотрел на мир не со своей узкой точки зрения, а видел мир как он есть, со всех точек зрения, то мы увидели бы именно это - сверкающий лес радуг до самого горизонта.

* * *

С тех пор прошло много лет, но я до сих пор помню нашу погоню на машине за радугой. И до сих пор – у меня такое чувство что я, всю свою жизнь, гонюсь за радугой – то одной, то другой. Всё время хочу чего-то достичь, попасть в подножье радуги, в этот счастливый разноцветный поток. И это хорошо – стремиться всю жизнь к радуге. Но я, так же хорошо, помню и свой сон. И знаю, что где бы я ни находился, куда бы ни стремился – всё равно этот счастливый радужный поток, этот сверкающий лес из моего сна – всегда со мной, прямо вокруг меня. Он был со мной всегда – даже и в той, гонящейся за радугой, машине, в которой я ехал со своими родителями и где пахло таким родным мокрым лесом. Он был со мной и на том балконе с которого я видел ту далёкую радугу около дома в тельняшке. Радуга была со мной всегда. Просто я её не видел – как тот заколдованный мальчик, которому попал в глаз осколок зеркала снежной королевы. Я и сейчас её не вижу, но уже знаю, что она есть. А значит, можно расколдовать – всю эту, скрытую от глаз, радужную страну.

Сказка о заколдованной стране и правдивая история о взрослых

Эту сказку про заколдованную страну я начал придумывать ещё в школе, как только почувствовал что закончилось моё собственное детство и началось отрочество. Начал, но не дописал – потому что потом началась такая карусель – конец школы, поступление в университет, компании и красивые девушки – я и не заметил как началась и пронеслась юность, а потом и детство моих детей... Всё это проходит быстро. И, как только в конце школы начнётся эта карусель – так и не заметишь как уже приблизится старость. Но пока она ещё только приблизилась, но не началась, я вспомнил про мою недописанную сказку – историю про мою заколдованную страну – нужно же её, наконец, расколдовать... А история эта такая.

Жили-были дети. Они жили в сказке.

Мир вокруг них был удивительным, интересным и большим. Вместо стульев их окружали сказочные кони, вместо мух вокруг них летали инопланетные монстры. Вместо шкафа в углу комнаты зиял вход в сказочную пещеру, где шевелились на своих насестах косматые чудища-шубища.

Да и вообще, всё, с чем они играли, оживало, и в каждом предмете была своя душа. Все эти души смеялись и плакали вместе с ними. А смеялись и плакали дети искренне, всем своим существом, будто последний раз в жизни: когда пещерное чудище-шубище кидалось сверху на первопроходца-спелеолога, его отважная голова заполнялась ужасом так же плотно, как пещера при этом заполнялась его криком.

Когда они играли, они радовали и обижали друг друга сильнее, чем мы радуем и обижаем друг друга в жизни. Столкнувшиеся на деревянных конях рыцари мгновенно превращались из

лучших друзей в злейших врагов, обида не вскипала, а взрывалась в них. И она бы разносила рыцарей в клочья, если бы тут же не вырывалась наружу - в виде бурлящего потока криков, слёз, обвинений и беспорядочных движений.

Ночи дети боялись сильнее, чем мы смерти, но зато их день был длиннее, чем наша вечность. Каждый день был не только вечным, но и новым, каждый день потрясал их всё сильнее, и с каждым днём дети уставали от него всё больше.

Изматывались от обид, наносимых друг другу, от летающих монстров, от впечатлений и потрясений. В конце концов, дети засомневались, что все вокруг них действительно так же сильно и искренне смеются и плачут вместе с ними.

Они стали присматриваться к миру и встретили пауков, которые не смеялись и не плакали вообще. Пауки прятались от мира в своих норах и никогда не выходили наружу - поэтому дети и не замечали их раньше.

Пауки же, наоборот, уже давно следили за детьми. И в тот день они тоже, не отрываясь, смотрели на детей через паутину, которая прикрывала вход в каждую нору.

Впрочем, детьми они не интересовались - просто наблюдали. Они вообще не интересовались ничем происходящим по ту сторону их паутины. Ведь сквозь неё всё выглядело мелким, незначительным и неинтересным: пауки были защищены и отгорожены от мира. Важным было лишь их дело: пауки плели свою паутину.

— Вы не боитесь летающих монстров? — спросили их дети.

Пауки не ответили. Они смотрели на этих монстров с другой стороны паутины и видели просто мух.

Тогда дети тоже увидели, что монстры не могут пролететь сквозь паутину, застревают в ней, путаются, смешно дёргая лапками. "Какие же это монстры", — подумали дети, — "это же обыкновенные мухи".

Детям тоже захотелось отгородиться от обид и неудач. Удивительно, но все желания детей исполнялись (ведь страна детства граничит с волшебной страной, в которой исполняются все желания) - и в тот же миг вокруг них появился тонкий слой паутины.

Дети завернулись в неё. Она была невесомая, но мир сквозь неё выглядел уже по-другому. Всё стало не так уж важно, не так уж страшно и не так уж интересно. Предметы вокруг были уже менее живыми и их душу разглядеть стало сложнее.

Начались новые, уже не такие вечные, дни и новые, уже более серьёзные, игры. Играя, дети в паутине обижались уже меньше, и поэтому старались обижать друг друга всё больше. И когда обида становилась всё же нестерпимой, дети шли к паукам и заворачивались в новую паутину.

Обиды становились всё изощрённей, а паутина всё толще, пока не превратилась в толстую лохматую шкуру. И вот, когда дни перестали быть вечными и неповторимыми, а стали наоборот короткими и похожими друг на друга как тиканье часов, дети, в конце концов,

превратились в вооруженных и защищённых от мира монстров. Их игры стали войнами, они разили друг друга дома, на работе, на улице, в судах, на рынках и финансовых торгах.

Эти монстры стали до того ужасны, что им стало страшно смотреть друг на друга. И страшнее всего было каждому взглянуть на себя в зеркало — ведь каждый надеялся, что он - всё тот же ребёнок, окружённый обижающими его монстрами.

Но из тёмного зазеркалья, к которому стало уже страшно приближаться, где-то из самой его глубины, на каждого из них смотрело страшное чудище. Заметив его, они кричали, и вместе с ними рычали и лохматые зазеркальные монстры, пародируя их жуткими гримасами. Они убегали, и вместе с ними скрывались и их потусторонние двойники. Скрывались, чтобы вновь подстергать их за каждой зеркальной поверхностью.

И когда их жизнь превратилась в кошмар, из соседней страны в которой исполняются все желания, к ним пришли двое: один в строгом костюме, другой в разноцветном камзоле. Вместе с утренним солнцем, они спустились с поросших жухлой травой гор - тех самых горизонтных гор, которые отделяют страну детства от страны, в которой исполняются все желания.

Эти двое были юрист и сказочник. Юрист знал все нужные ответы. Сказочник знал все нужные вопросы.

— Что нам делать? — спросили их монстры, — мы боимся друг друга. Нам тяжело: мы раньше были всё время среди друзей, а теперь мы всё время среди врагов.

Тогда юрист сделал им маски, которые были не так страшны как их лица. Он научил их надевать дружескую маску, когда они встречают друзей; влюблённую маску, когда они встречают любимых и деловую маску на работе. Тех, кто надевал не ту маску, судили, и постепенно практически все стали одеваться правильно. Монстры перестали бояться друг друга - ведь они смотрели не на свои лица, а на свои маски.

Но внутри они чувствовали, что их лица ужасней масок и продолжали бояться сами себя. Подходя к зеркалу и видя в отражении маску, монстры не верили ей. Они боялись, что маска вот-вот отклеится от их шкуры, и они увидят под ней своё настоящее страшное лицо. Они не верили своей маске - как не верили ничему вокруг - так научил их юрист.

И тогда сказочник придумал для них сказки. Эти сказки были не о реальных монстрах а об их масках. В сказках хорошие маски побеждали плохих, влюблённые никогда не изменяли друг другу, а дружеские маски никогда не ссорились.

И монстры поверили этим сказкам. Они узнали себя в этих добрых масках и вздохнули с облегчением - так вздыхает каждый, кто наконец-то находит себя.

— Мы научились жить в этом мире и поняли, кто мы такие, — сказали друг другу маски, — мы знаем применение всем предметам в этом мире... Всем... кроме пауков. Маски оглянулись вокруг и снова увидели их. Те по-прежнему сидели в своих норах и неотрывно следили за ними с той стороны своей паутины.

— А почему вы без масок? - спросили они у пауков, — вы добро или зло? друзья или враги?...

Но пауки не ответили — они смотрели на маски с той стороны своей паутины и видели в них не маски, и не монстров в масках, а просто детей, запутавшихся в своей паутине.

* * *

И жили монстры в масках долго и почти счастливо. И живут почти счастливо по сей день. А "почти" - это потому что дети внутри некоторых из них всё ещё живы. Такие монстры чувствуют внутри себя что-то лучшее чем то, что они видят вокруг. Таких монстров можно часто встретить в задумчивой маске - они пытаются вспомнить своё забытое прошлое.

Иногда им кажется, что всё не так — это ребёнок в них вспоминает свою жизнь и плачет. Монстр не слышит этого плача, но чувствует, как содрогается что-то глубоко внутри. "Эти мысли затронули какие-то струны моей души", - говорит тогда монстр и надевает умилённую маску.

Сказка о мерцающих звёздах и правдивая история об инопланетных монстрах.

Давным-давно, когда окружающий нас мир состоял ещё из сказок и легенд, древние греки придумали это слово: «космос». Придумали из греческого слова «космео», что значило тогда «украшать». Ведь сказки и легенды для того и придумываются чтобы украсить всё что мы видим вокруг: чтобы курицы несли золотые яйца, печи ехали куда хочешь по щучьему велению, а яблоки были молодильными. Время сказок и легенд — это детство мира, когда всё вокруг яркое и красивое.

И я тоже, в своём собственном детстве, представлял космос таким же украшенным, как новогодняя ёлка — усеянным улыбающимися звёздами и дугами следов от ракет, на каждой из которых стоит довольный космонавт в пузатом скафандре. Там и сям мне представлялись планетки с которых нам приветственно машут инопланетяне. Некоторые из них были роботами, у которых всё было железное и квадратное — тело, голова, руки и ноги. А некоторые напоминали амёб из учебника биологии (только с глазами и улыбающимся ртом) — так во времена моего детства фантасты представляли непохожие на нас биологические формы. Ну а похожие на нас инопланетяне — назывались у фантастов «гуманоиды» и ничем не отличались от людей. Они были как люди будущего — рассудительны и доброжелательны, ходили в модных сверкающих комбинезонах и стреляли из лазерных пистолетов, которые называли бластерами.

Картинка нарядной вселенной напоминала праздничную открытку. И я мечтал путешествовать по ней, как капитаны космического флота, которым, как говорилось в мультфильме «Тайна третьей планеты», известна формула абсолютного топлива. Освобождать от космических монстров и других невзгод инопланетян-роботов и инопланетян-амёб. Тем более, ничего более страшного чем насекомовидные монстры из фильма «Чужие» в то время фантасты ещё не

придумали. Они и представить себе не могли тех реальных монстров, которые в реальности существуют в космосе. Более того, для далёких планет, фантасты не придумали ни отсутствия воздуха, ни радиации, убивающей за несколько часов, ни других неприятностей которыми полна реальная негостеприимная вселенная. Нет, космос в моём детстве был уютным и интересным – как книжка с картинками.

Этот милый детскому сердцу космос я встретил и чуть позже, прочитав книгу «Маленький принц» с карандашными рисунками писателя Экзюпери: герой этой повести жил на своей собственной, маленькой как камень-валун, планетке, на которой, кроме него, умещались только барашек и роза. Как капитан космического флота, Маленький принц отправился в космическое путешествие – от планетке к планетке, на каждой из которых, как в своём домике, жил очередной инопланетянин. И то что все жители этих планеток были людьми – король, учёный, бизнесмен... – ещё больше придавало уюта вселенной.

И только планета фонарщика вызывала у меня некоторое беспокойство – вот сам тот факт что она, как было сказано, «с некоторых времён, стала вращаться быстрее» – так что день сменял ночь уже за несколько минут и фонарщику приходилось, в течение разговора с принцем, несколько раз зажигать и гасить фонарь. Помню было смешно, что фонарщик постоянно перебивал своего собеседника: «добрый вечер!» - и тушил фонарь... А потом «доброе утро!» и зажигал...

И вот, принц улетел, и, наверное, забыл о фонарщике. Но у меня, от его планеты, осталось чувство смущенной тревоги. И только повзрослев и научившись формулировать свои мысли, я смог понять, что же в той истории меня беспокоило. Мне не нравился именно сам тот факт что, оказывается, уютная планетка может ни с того ни с сего начать вращаться быстрее – вот так вот, бесконтрольно и необратимо, заставляя бедного фонарщика всё чаще и чаще тушить и зажигать, тушить и зажигать...

И, хотя маленький принц завидует фонарщику (потому что тот может наслаждаться рассветами каждые пять минут), и хотя из всех планеток, именно эту мне хотелось посетить больше всего (всё-таки хоть что-то интересное там происходило), – несмотря на всё это, история фонарщика подпортила мою детскую уютную картину мира. Как будто в этой открытке праздничного космоса образовалась какая-то микроскопическая трещина – через которую, со временем, весь этот космический уют мог улететь в безвоздушное пространство – как воздух через дырку в международной космической станции.

Книга «Маленький принц» заканчивалась тем, что её герой посетил и Землю, приземлившись посреди Африки, в пустыне Сахара. Помню, в конце повести, когда принц уже вернулся домой, писатель Экзюпери, для того чтобы космос для читателя был живым, советовал смотреть на ночное небо и переживать не съел ли барашек розу на планетке маленького принца. Но я больше думал о забытых принцем второстепенных героях, обитателях покинутых им планеток – о несчастном пьянице, о таком одиноком короле и, конечно, о фонарщике: не раскрутилась ли сейчас его планета до каких-то головокружительных скоростей, не взбунтовалась ли она окончательно, превратив его жизнь в бесконечную муку, где нет времени – ни поспать минутку,

ни откусить бутерброд. Да и не хочется, потому что живёшь на тошнотворной карусели. Тем более тут (в отличие от случая с барашком и розой) и представлять было нечего: некоторые звёзды мерцали, помигивали как далёкие вращающиеся сирены и я представлял – что вот, возможно, это и есть та самая планета фонащика. И если они не пульсировали слишком часто – это означало, что жизнь фонащиков, обитающих на этих пульсарах, пока ещё не превратилась в эту тошнотворную карусель...

Но, чем больше я вырос, тем чаще замечал, что звёзды мигают уже быстрее чем в детстве – почти раз в секунду... Возможно это мне просто казалось – ведь, чем больше вырастешь, тем больше ускоряется жизнь. Но может и действительно, та далёкая планета-пульсар, на которой маленький принц когда-то оставил фонащика, уже раскрутилась до такой жуткой скорости – почти один оборот в секунду...

Вот так, с истории с фонащиком, постепенно, воспоминания об этом детском уютном космосе с машущими космонавтами и инопланетянами остались в прошлом, забылись как забываются сны. Как будто вся эта картинка из детского научно-познавательного журнала – с ракетами, роботами и инопланетянами – стала рваться, обнажая под собой новый, взрослый, холодный и бесконечный космос.

И теперь, когда я совсем вырос и изучил астрономию, то, глядя в звёздное небо, я не представляю уже ни машущих мне инопланетян, ни барашков, ни роз... И только жуткий повзрослевший фонащик пролез в этот новый, научный и неуютный космос: я даже знаю где он живёт – вон там, чуть в сторону от Канопуса, самой яркой звезды южного неба – именно там находится вспыхивающий и гаснущий пульсар PSR J0437–4715, ближайший с которого можно хотя бы теоретически прилететь, и наблюдаемый ещё во времена Экзюпери, когда Маленький принц долетел оттуда к нам и приземлился в песках Сахары.

Но в этом новом космосе уже нет не только ничего уютного но и ничего живого. Теперь я уже очень хорошо знаю этот пульсар фонащика. Со времён моего детства он устрашающе изменился. Это действительно маленький, размером с городской район, объект. Но он сейчас тяжелее Солнца: вместо привычной нам каменистой земной коры у него кора из тяжёлых трансурановых металлов, а вместо подземной лавы – нейтронная жидкость, одна капля которой весит как гора Эверест. Сила тяжести на пульсаре фонащика оказалась в сотни миллиардов раз больше земной и раздавила и его жителя, и фонарь, и всех туристов прилетевших туда за частыми рассветами, из-за которых маленький принц так завидовал фонащику. Все, кто попал на этот пульсар, расплющились, сжались и превратились в эту сверхтяжёлую кору – как матросы того пиратского корабля – «летучего голландца» - вырастают со временем в его палубу, стенки и мачты. Ну а скорость вращения увеличилась уже невообразимо – до 173 оборотов в секунду. И это мигание 173 рассветов и закатов в секунду, превратило прежде уютную планету в кошмар для фонащиков, где движения поднесения огня к фонарю утром и обратно вечером превратились в высоковольтную тряску. И если там осталась душа превратившегося в тяжёлые металлы фонащика, а может и некие другие его бестелесные гости (страшные и непобедимые раз такое адское место – это их родной дом) – они действительно могли бы, к, превратившейся в ужас, зависти маленького принца, встречать рассвет 173 раза в секунду...

Но давно потухло их солнце и эти бесплотные духи возвращаются в полной, космической, головокружительной темноте.

* * *

На этом и заканчивается эта страшная сказка. И начинается правдивая история. Потому что, кроме инопланетян, на той картинке детского космоса, я запомнил ещё и наших, земных капитанов космических кораблей. Тех самых, которые были готовы прийти на помощь к терпящим бедствие жителям других планет, освободить их от космических монстров – даже если этими монстрами окажутся не придуманные фантастами насекомовидные «чужие», а реальные космические монстры: или пульсары, или пожирающие пространство чёрные дыры, или мёртвые звёзды, вызывающиеся сверхновыми. И, поскольку в реальности, формула абсолютного топлива была не известна, я поступил в университет и стал учиться на физика. Я, как древние мореплаватели, изучил карту вселенной – чтобы знать где действительно могут находиться все эти страшные объекты-монстры, а где – инопланетяне. Жаль что все эти места так и остались недостижимыми. Ведь найти формулу абсолютного топлива ни у меня, ни у моих коллег не получилось. Но, может быть, получится у тебя. И тогда космические корабли полетят – и к инопланетным роботам, и к улыбающимся амёбам, и к заключённым на своих планетах фонащикам, и даже к непохожим на нас «чужим», терпящим бедствие в этом холодном и неуютном космосе. И теперь, когда я смотрю на мигающие звёзды, я тревожусь уже меньше, я тоже им подмигиваю в ответ – всем возможно живущим на них фонащикам: потерпите ещё немного. Помощь идёт.

Сказка про волшебное слово и правдивая история про «чужих» с планеты Венера

Журчат ручьи,

кричат грачи,

И тает лед и сердце тает,

И даже пень в апрельский день,

Березкой снова стать мечтает

Эту песню я помню с детства. Но в моём, городском детстве, весна начиналась по-другому. Ведь ни грачи, ни другие птицы, не прилетают весной на столичные проспекты. И ручьи в городе не журчат, потому что талая вода не сбегается со всех дворов и не течёт по улицам. Она прямо во дворах стекает, через специальные отверстия в асфальте, под землю...

Нет, весна в городе начинается не так как обещали в детских стихах и песенках: без грачей и подснежников. Она начинается вверх. Внезапно, в один прекрасный день серое зимнее небо сменяется пронзительно-синим. И по нему, словно перелётные птицы возвращающиеся из дальних краёв, начинают медленно плыть белоснежные сверкающие облака.

Я помню из моего детства, что эту перемену в небе замечали не все. Занятые взрослые по-прежнему толпились на остановках, редко смотрели вверх и не замечали того что творилось вверх. Но всё равно, именно из-за этого весеннего неба у них, как пелось в песне, "сердце таяло" и чудилось что пень "березкой снова стать мечтает". Просто они не понимали что такое весеннее настроение им создало именно это внезапно появившееся пронзительно-синее небо. Они удивлённо смотрели по сторонам, как будто пытались найти причину такой перемены настроения. А вокруг тоже – всё уже двигалось в весеннем ритме. И родители начинали обращать моё внимание на распускающиеся на деревьях почки и обещать что скоро лето, каникулы и возможно даже поездка на море. У моих друзей по двору терялись шапки и появлялись идеи слазить на стройку. Девчонки галдели как галки или сороки и, также как сороки, зарывали глубоко в песочницах разные блестящие вещи, называя эти клады «секретами». Все смотрели по сторонам и заново находили очень много интересного – и проснувшуюся от зимнего сна таинственную стройку, и внезапно появившуюся из-под снега песочницу, и враждебный соседний двор.

И только один мальчик во дворе не смотрел ни вверх, ни даже в сторону заброшенной стройки. Да что там вверх, он вообще по-сторонам старался не смотреть. Сторонился детей и не разговаривал со взрослыми. Даже своим родителям отвечал односложно, смотря при этом куда-то вбок. Что зимой, что летом, он сидел в одном и том же месте на краю скамейки что стояла у второго подъезда и играл в «игру 15». Во времена моего детства была такая скучная игра, в которой фишки-цифры надо было выстроить в правильном порядке – от 1 до 15.

В нашем дворе этого странного мальчика не любили. Точнее, не то чтобы не любили, а просто смотрели на него косо. Он был для всех чужим – как будто какой-то инопланетянин высадился в наш двор – прямо на скамейку у второго подъезда. Высадился и так и остался там сидеть, занимаясь своими инопланетянскими делами и не вступая в контакт с нашей цивилизацией. Вот на кого он был похож. И мы, конечно, тоже с этим мальчиком не заговаривали и не звали играть, сторонились его: мало ли что у этого чужого на уме.

Если бы он был чуть постарше, то его, наверное, бы побаивались, придумывая и пугая девчонок страшными историями – как он вдруг вскочил и кинулся на проходящего мальчика из соседнего двора. Или, например, придумали бы как какой-то старичок наклонился к нему: «мальчик, как тебя зовут?» - а он, вместо ответа, возьми да и вцепись ему в горло. Так и загрыз старичка, как цепная собака. Или придумали бы как однажды какая-то мама оставила коляску у второго подъезда и отошла спросить который час. А когда вернулась, то в коляске вместо её ребёнка сидел и рычал этот мальчик. Мы, вообще, были мастера придумывать страшные истории – особенно про заброшенную стройку или про хулиганов из соседнего враждебного двора. Но про него никаких историй мы не придумывали. Потому что страшных историй про младших мальчиков никто не боится.

Зато над младшими все смеются. И мы смеялись: И когда в него случайно попал наш мяч (он вздрогнул и подвинулся ещё ближе к краю скамейки). И когда ворона украла у него бутерброд, а он, отвлекшись от своей игры, долго искал его – и в карманах, и под скамейкой, и даже посмотрел среди мусора в урне. И когда, действительно, какой-то старичок что-то спросил у него и, не дождавшись ответа, долго потом стоял и отчитывал его, вспоминая как раньше дети были вежливые, здоровались со взрослыми и отвечали на их вопросы. Мальчик всё больше втягивал голову в плечи и горбился над своей «игрой 15».

После этой истории мне стало жаль это мальчика и, назавтра, проходя мимо второго подъезда, я сказал ему «привет». Он ничего не ответил, только заёрзал на своей скамейке. На следующий день я снова сказал «привет» и он снова заёрзал, но уже с каким-то довольным видом. Ну а на третий день он даже высматривал меня когда я выйду из подъезда. Мои друзья, видя что я даже с ним как-то общаюсь, перестали над ним смеяться. А я планировал даже заговорить с ним, думал что сказать. Я ведь тоже в детстве был не слишком общительным и мне приходилось придумывать что когда и кому сказать. Я подумал что надо ему рассказать про вот это весеннее небо – чтобы он тоже посмотрел вверх, отвлёкся от своей «игры 15», заметил что серое зимнее небо закончилось. Мне казалось, когда он посмотрит вверх, что-то изменится в его нелюдимом характере, что-то оттаят, как оттаял Кай в сказке про Снежную королеву. Так я и решил сделать завтра.

Потому что я (по-крайней мере как мне казалось) открыл какой-то всеобщий весенний закон, первопричину всех весенних перемен вокруг – вот эту смену неба – с серого на синее. Я и сейчас, много лет спустя, став взрослым, и даже став учёным, по-прежнему считаю это одним из своих самых главных открытий. Тем более, я теперь знаю что такие превращения в небесах – это счастливая случайность. Это именно нам, землянам, повезло что вот так, каждую весну серая крышка зимнего неба открывается и мы видим над собой эту синюю бесконечность – облачный край.

Потому что только у Земли такое странное небо. Большинство планет во Вселенной почти не имеют атмосферы. Там нет ни воздуха ни неба – лишь постоянный, неизменный чёрный ночной космос над головой. Жизнь на таких планетах не появляется. А ещё бывает так что атмосфера есть, но она непрозрачная. Так, например, на Венере – ближайшей к Земле планете. Жизнь там возможна. Сейчас, как считают учёные, на поверхности Венеры очень жарко из-за парникового эффекта и, поэтому, венерианские микроскопические жители могут жить, как наши сказочные персонажи, на облаках. А чуть позже, когда поверхность Венеры остынет, эти жители, вместе с венерианскими дождями, упадут на поверхность, скопятся в морях, вырастут, превратятся в невообразимых для нас рыб, выйдут на сушу, станут животными, потом людьми, построят города. А может, они всё это уже сделали – ведь на таких планетах как Венера не заглянешь под плотный слой облаков. Как бы там ни было – сейчас или в будущем – всё время тамошние жители, всю свою историю будут видеть над собой только вот такое серое, беспросветное зимнее небо. И таких планет большинство.

О чём думают эти инопланетяне, когда смотрят, так же как и мы, в свои небеса? У них нет никаких причин считать, что вот эта вечная небесная серость где-то заканчивается. Даже если они придумают самолёт для более быстрого передвижения по своей планете, у них не будет

никакого желания подниматься всё выше и выше - зачем, вверху всё одинаково – что на высоте 50 метров на верхних этажах их многоэтажек (когда их дороги и дворы уже скрывается в облачном тумане), что на высоте 500 метров на крышах их самых высоких небоскрёбов (когда – что вверху, что внизу – одинаковый серый беспросветный туман), что на высоте 5 километров где летают их самолёты. Выше 15 километров самолёты подняться не могут, да и не нужно. И никто не верит что на высоте 20, 30, 100 или тысячу километров закончится этот вечный серый туман. Никто не придумывает ракеты, потому что не даже не догадывается что где-то там наверху, на расстоянии 50 миллионов километров может быть Земля с человеческой цивилизацией, а ещё дальше – раскалённое Солнце, которое в миллион раз больше и Земли и Венеры (и от которого, оказывается бывает день и ночь), а также и другие звёзды в миллионы раз больше самого Солнца, и галактики которые в миллиарды миллиардов раз больше самых больших звёзд, и вообще весь космос, в котором эти галактики – как песчинки в бескрайней пустыне. Если обо всём этом рассказать жителям Венеры – они, конечно не поверят. Они думают что серое небо над головой не кончается никогда. Мы верим в бескрайний космос, а они верят в бескрайнее серое небо.

Это мы, дети-земляне, мечтаем в детстве прыгать с облака на облако, потом мечтаем стать космонавтами, побывать на Луне, долететь до Солнца и до звёзд. А дети Венеры не видят вверху ничего интересного. Да и внизу тоже. Возможно, конечно, девчонки на Венере тоже, копаясь пластмассовыми совочками в песочнице, закапывают там свои «секреты». Но сама планета готовит им мало секретов: после песка песочницы, идёт глина, глина, глина – на многие километры. Ничего интересного – ни сверху, ни снизу. Никакой бесконечности которую можно будет открывать. Никакой бездонности, в которой можно будет копать всю жизнь. Никакой – кроме той что внутри, кроме мира их собственных фантазий и снов. И наверное, только туда смогут углубляться жители Венеры. С самого детства они не будут мечтать стать космонавтами, не будут читать фантастику типа «марсианских хроник» и смотреть мультфильмы типа «тайны третьей планеты». Поэтому, возможно, что, с самого детства они будут думать о чём-то своём, фантазировать и придумывать себе всё новые и новые миры. У каждого, замкнувшегося в себе ребёнка Венеры, будет свой внутренний мир. Можно сказать, он будет играть только там.

Такие инопланетяне не выйдут встречать наши ракеты, махая своими железными или амёбовидными руками: «Добро пожаловать, земляне, представители другой цивилизации!». Потому что они и представлять себе не будут какие-то другие цивилизации. Мы для них будем просто чужие, непонятные существа, а, может быть, и просто мираж, обман зрения.

Совсем не так будет выглядеть первый контакт с этими инопланетянами. Он будет похож на мой контакт с тем мальчиком, из моего далёкого детства. И я жду этого контакта. Я верю, что я смогу найти какое-то волшебное слово – так же, как когда-то в детстве я нашёл вот это слово «привет». Я жду этого контакта чтобы рассказать им это всё – и про то что серое небо не бесконечно, и про то что за ним есть и вот это весеннее Солнце, и далёкий космос и наша планета Земля с таким пронзительно синим небом которое нас зовёт вверх, к новым и новым открытиям. Я жду, потому что в детстве мне так и не удалось рассказать тому мальчику про синее весеннее небо. Он куда-то делся, наверное, переехал с родителями. Так если увидишь его, или кого-то похожего на него – покажи ему это небо. Он ждёт.

* * *

С тех пор прошло много лет. Я стал взрослым, и, вместе со мной, изменилась, повзрослела на несколько десятилетий и Земля. Климат стал жарче. В земной атмосфере накопился углекислый газ и появился парниковый эффект – как на Венере. Да и люди стали больше похожи на жителей Венеры – таких какими я их себе представлял в детстве. Земляне тоже всё больше замыкаются – каждый в своём мире. Каждый всё меньше смотрит вокруг и всё больше – в свой телефон – совсем как тот мальчик из далёкого теперь детства смотрел в свою «игру 15». И кажется что уже ничто не отвлечёт их, не вытащит из своего виртуального мира.

Но я теперь знаю волшебное слово, которое сработало и тем «мальчиком с Венеры» что жил когда-то в нашем дворе, и которое должно сработать с настоящими инопланетянами «венерианского» типа. А значит, тем более должно сработать и с людьми, которые всё больше и больше превращаются в венерианцев. И теперь, приходя на работу, я киваю даже незнакомым людям, как-бы говоря «Привет» и они улыбаются в ответ – и тоже, довольные, ёрзают на своих рабочих местах – совсем тот соседский мальчик. Потому что большинство людей – не хорошие и не плохие, не добро и не зло. Они становятся добром или злом – в зависимости от того, с каким волшебным словом мы обращаемся к ним.

Сказка про короля-льва и правдивая история про добро и зло

Родина человечества - жаркая саванная Африка, утыканная зонтиками пальм - до горизонта, где сверкает на щедром солнце древний океан - настолько запечатлилась в нашей памяти, что дети до сих пор изображают именно её, когда их просят нарисовать райский пейзаж. Никто не рисует катание с ледяной горки. У всех детей на листочках оказывается картинка, записанная в древних слоях мозга - забытая африканская родина. Потому что детство человечества - это и есть рай. Образ родительского дома, где всё просто и радостно.

Я смотрю мультфильм "Король-лев", где тоже всё просто - как и должно быть в Африке, как и должно быть в детстве.

И маленький ребёнок, с первой своей сказки, знает кто плохой, а кто хороший. На "покажи хорошего" - он говорит свою неопределённую, тоже ещё африканскую, короткую гласную - что-то среднее между "А!" и "Ы!" и показывает пухлым пальчиком на королевское семейство. Там, по львиному величественная, расслабленная и добрая царская семья показывает народу своего счастливого отпрыска. Ну а на "покажи плохого" — ребёнок тоже уверенно показывает злобного и завистливого королевского брата.

Ещё бы — даже внешне они отличаются. Король с лоснящейся гривой — потрянёт и само солнце играет с ней. А кто ж захочет играть с облезлыми и постоянно топорщащимися от злобы паклями королевского брата?

Люди с детства любят добрых и сильных; они поражаются откуда в брате столько ненависти к королевской семье — они ведь близкие родственники, чуть-ли не близнецы. И сценаристы мультфильма учат нас: вот, одни и те же гены, и как по-разному можно ими распорядиться. Учат что мы все равны от рождения и сами делаем выбор между добром и злом. И вот результат нашего выбора: Правильный выбор - и ты на скале, среди любящего народа. Неправильный выбор - и ты, тощий и облезлый, ходишь кругами и строишь бесполезные козни.

И сразу, даже детям, ясно кто окажется посрамлён и съеден гиенами. Добро всегда побеждает, добро есть добро, а зло есть зло. Эту нехитрую мысль, за неимением более глубоких, сценаристы доносят до зрителей.

Но мне эта мысль казалась фокусом взрослых, скрывающих что-то от меня. Мне было интересно: почему, несмотря на то что зло так хочет победить, побеждает именно добро?.. И, уже в юности, я понял. Понял вот что: Представь что львы поменялись судьбой - были бы на месте друг друга. Например, не король а его брат родился бы на минуту раньше.

И вот уже не главного героя мультфильма а его брата показывают народу, любят и закармливают родители. А несостоявшийся "Король-лев", чувствуя несправедливость, с детства вынужден ябедничать подставляя брата (чтобы показать что наоборот - он лучше).

А потом и подворовывать (чтобы не все лучшие куски доставались первенцу). Замыкаясь и тратя всё больше сил на оговор брата-царя, он всё больше вызывает у родителей недоумение, затем грустное убеждение: "в семье не без урода".

И вот, в конце концов, тощий от плохого питания и зависти, озлобленный и никого не любящий, наш герой ходит кругами, планируя цареубийство.

Если оно не удаётся - справедливость торжествует и его казнят - добро побеждает зло (пусть даже это зло виновато только в том что не родилось счастливым первенцем, наследником).

А если цареубийство удаётся - на скале оказывается немного другая, но такая же счастливая, достигшая своей цели, семья. Получается что и тут побеждает добро, только переодевшееся в других персонажей. Эти нескончаемые подмены добра — и есть история человечества.

Народ быстро привыкает что ему показывают другого ребёнка - все дети милые. Точнее не все, а те которые уверены что их любят. А любят их из-за того что они милые. И наоборот: всех злобных не любят потому что они злобные; а злобные они потому что их не любят.

И, уже теперь, я знаю — в эти замкнутые круги попадают не только королевские дети — все. Миллионы таких водоворотов несут кого-то к добру, а кого-то к злу. А все кого несёт — ни плохие ни хорошие — барахтаются, стараясь приспособиться к течению, выплыть на тот древний пейзаж, который запечатлился у них в памяти.

Сказка о борцах с драконами и правдивая история о первом пейзаже

В детстве я читал сказки про летающих огнедышащих драконов. Самым безобидным из них был подземный огненный полоз их сказов Бажова. Жил он в Уральских горах. Этот змеевидный огненный дракон ползал под землей, но никого не трогал, и никого своим огнедышащим дыханием не испепелял. Наоборот, встретить его – удача: где он проползёт, там появляются под землёй золото и прочие драгоценности.

Но остальные драконы – гигантские, летающие и огнелышащие - были гораздо страшней. Я представлял их огромными как целая флотилия бомбардировщиков. Каждый взмах их перепончатых крыльев – как ураган. Крылья вверх – и облака разгоняются как клубы пара от кухонной вытяжки. Крылья вниз – и на земле шквал ветра, сдувающий деревья как парашютики одуванчиков. Их грозный рёв – как тысяча громов - слышен до горизонта, а там где дракон пролетает сейчас – от него, как от взрыва, вышибает стёкла и лопаются барабанные перепонки. И, самое главное – дракон огнедышащий: каждый его выдох заливает огнём целые города.

Хорошо, что, как говорили сказки, драконы спали под землей и редко выбирались наружу. Там, в своих пещерах, они охраняли несметные сокровища - как тот дракон, к которому отправился хоббит в книге Толкина «Туда а потом снова обратно». Некоторые драконы жили на горе, на вершине которой располагался или замок или какое-то другое драконье логово. Из этого подземного жилища он вырывался, весь в огне, налетая на очередного рыцаря. А в отсутствие рыцарей, эти чудища на поверхность земли и не поднимались. Когда испепелять было некого – они просто спали.

Бывало, конечно, что и удачливому рыцарю или богатырю посчастливится ткнуть мечом в какое-то уязвимое место, например в вену на чешуйчатой шее – так что дракон и не заметит как истечёт кровью – и посередине боя вдруг умрёт, испустив оглушительно громкий стон. И тогда, эта удивительная победа сразу попадает в сказки или былины, пересказывается столетиями, превращаясь постепенно в легенду о том как огромный богатырь срубил волшебным мечом драконью голову. И может даже не одну.

Я, правда, в таких победах сомневался, не думал что человек может победить огненного дракона. Скорее всего, - думал я, - герой легенды залез на гору и победил там какую-нибудь большую змею. Ну и потом, показывая её голову, приврал, что это была одна из трёх (а то и из двенадцати) голов, каждая из которых была огнедышащая. А настоящих борцов с драконами не существует – уж очень силы не равны. Никакой меч не перерубит толстую чешуйчатую драконью голову. Для этого даже бензопила не подойдёт. В крайнем случае, думал я в детстве, борцы с драконами могут не рубить головы, а спасти окрестное население, протрубив для них сигнал отступления и крикнув: бегите, я его задержу!

* * *

Потом, повзрослев, я понял, что такие борцы с драконами и правда существуют. Они, конечно, никакие головы не рубят – это, совершенно верно, было бы без толку. Но они, действительно,

день за днём они забираются прямо в горное логово того или иного дракона – чтобы не пропустить момент когда он проснётся и нужно будет спасать от него всё окрестное население. И таким рыцарем может стать каждый. Надо только изучить драконьи повадки и их историю.

А история у драконов такая. Как и предупреждали сказки, когда-то, в древние времена, драконов было много и жили они прямо на земле. Огненными потоками раскалённого камня ползали они по поверхности земли, налезая друг на друга как огромные огненные полозы. Это был мир огненных драконов и ничто кроме них не могло выжить в таком пекле. Дожди тысячелетия копились ввышине, в густых облаках – и не могли пролиться на землю. Потому что, едва они обрушивались с небес плотным как из ведра потоком и касались раскалённой кожи драконов, так тут же взлетали обратно ввысь ураганом пара. Таким был первый земной пейзаж, и драконы правили в этом мире долго – в сотни раз дольше чем все вместе взятые земные царства. И постепенно их раскалённая до красна кожа стала остывать, покрываться остывшей коркой – так у них появилась чешуя. Драконы тёрлись друг о друга и огромные каменные чешуйки отпадали от их огненного тела, нагромождались и нагромождались... Пока, в конце концов, скрыли под своей каменной коркой всех драконов, весь этот раскалённый змеиный клубок.

Иногда какой-то дракон, бывало, вырвется наружу и проползёт по этой оставшей корке. И, точно также как в сказке про огненного полоза, там где он проползёт, остаётся след от его огненной кожи – труба с рассыпанными по ней алмазами. Это называется кимберлитовая трубка.

Но такое бывало всё реже и реже. Поэтому, на этой корке, тогда ещё подвижной, вздымающейся от ворочающихся под ней драконов, и начали собираться первые дождевые озёра, реки, моря, в которых постепенно появилась и жизнь.

Эта корка, на которой мы живём, до сих пор вздымается от ворочающихся под ней драконов - просто ворочаются они в своём темпе, в своём "геологическом" времени, с нашей точки зрения очень медленно. Вот горный хребет - это не что иное как спина поднимающегося из-под земли дракона. Он поднимается по несколько сантиметров в год - именно так растут горы. Огненный дракон хочет выйти на свободу, прорваться сквозь земную кору – чтобы, как в те древние времена, поползти огненной рекой по поверхности земли. Но за последние пару миллиардов лет земная кора стала толстой – даже для дракона. Он лишь приподнимает её – и горы растут. И драконы за это время тоже постарели. Они устают, останавливаются – и горы перестают расти. Люди так и называют такие горные цепи – говорят, дескать, это хребет местного дракона. Бывает что поднимающиеся драконы спутаны (ведь внутренность Земли состоит из огромного подвижного змеиного клубка). Тогда получается что горные хребты перемешаны - на этом месте мы видим горные системы, такие как Альпы или Гималаи.

В детской сказке "Конёк-Горбунук" на спине рыбы-кит, как на острове, были отстроены деревни, росли огороды, сады и леса. Я вспоминаю эту историю каждый раз когда, забравшись на вершину, смотрю на открывшуюся моему взору панораму – горные хребты с коротко-стриженной шерстью лесов – шерстью дракона – и залысинами городских застроек.

Бывает и так что поднимающийся дракон поцарапается и потоки его огненной крови вытекают из вулканов. Эти потоки огненной лавы сжигают всё на своём пути. Так же как когда-то в сказке, огнедышащий дракон сжигал всё вокруг. Но – теперь всё обходится без жертв. Потому что современные борцы с огненными драконами успевают протрубить отступление и – точно также как сказочные рыцари – предупредить и спасти всё окрестное население. А потом объявить что можно возвращаться – что дракон устал и успокоился, вернулся вглубь земли.

Все драконы устают. И кажется что ещё пара миллиардов лет – и они затихнут совсем.

Но нет, через пару миллиардов лет солнце станет огромным и красным, раздуется и начнёт поглощать и сжигать планеты по очереди – сначала каменистый Меркурий, потом скрытую под облаками Венеру, а потом раскалённая плазма его поверхности приблизится и к Земле. И огненные драконы пробудятся, восстанут от своего миллиардолетнего сна. Пробуждённые жаром близкого Солнца, легко скинут они оковы земной коры и зажгут поверхность земли своим встречным пламенем. Так вернётся время драконов.

Но, к этому времени, будущие борцы с драконами протрубят последнее отступление – и всё население Земли отправится в глубины космоса – на поиски новой Земли.